

ОБРАЗ ЦАРЕВНЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЛШЕБНЫХ И АВАНТЮРНО-НОВЕЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК)

Е.А. Ведь

*Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого,
Республика Беларусь*

В белорусских сказках царевна, как правило, без имени, если имена используются, то с оценочными эпитетами, а не с предикатом-титолом: Василиса Премудрая, Елена Прекрасная. Акцентируется внимание на семейно-бытовой роли царевны: дочь, сестра, жена. Вообще, говоря о белорусских сказках, корректнее говорить не о «царевне», а о «царской дочери». Безноминативность царевны означает непризнание существования данного персонажа. В архаическом мышлении имя – свернутая сущность, квинтэссенция функций. В архаическом мышлении быть – значит быть названным, и наоборот. Обладать именем, означающим мудрость – значит быть мудрым. Обладать именем, означающим красоту – быть красивым и т.д. То есть имя выступает как сигнификат владения определенными качествами.

И все же частотность номинатива, при его минимальности, у царской дочери больше, чем у царя, что является сигнификатом феминистичности, по крайней мере, белорусских сказок. Отсутствие титулатуры: царевна, королевна, княжна указывает на не разработанность цесарской иерархии. Оценочные эпитеты делают предикатом не титул, а личностные характеристики: красота, мудрость. Именно владение этими качествами делает царевну «царевой». Гиперболизация личностных характеристик придает царской дочери «царственный блеск», а не царский титул придает этим качествам гиперболизированность.

В белорусских сказках Елена Прекрасная, Василиса Премудрая прежде всего прекрасная и разумная женщина, а не особа царственного происхождения, наделенная трансцендентными свойствами. Царевна – следующая ступень в цесарской иерархии, а царская дочь – один из представителей царского рода. Превалирование семейственных, родовых характеристик над царскими и подчеркивание именно родственных связей отца-царя и дочери-царевны, а не взаимоотношений в процессе субординации.

Символика царской дочери: кольцо, наперсток, цветок, платок. Кольцо – сигнификат мира (в архаическом мышлении – змея, кусающая свой хвост). Мир как *sphera*, как космос – изукрашенный. То есть царская дочь владеет креативной символикой архаического мышления. Цветок – также является сигнификатом мира (отсюда – *Rosa munda* – роза мира; мир как распускающийся цветок, роза).

Цветок – символ феминности. Модификация архаического представления о женщине как о саде, дереве (калина, ива и т. д.) а в «цивилизованном», романизованном и романтизованном варианте – как о цветке. Платок – также «цивилизационная» (не природная) модификация покрывала, скатерти. Архаический (природный) сигнификат платка – туман. Туман – хаос, неструктурированный космос в докреативный период. Но платок – космоцированный сигнификат покрывания чего-либо как креации. Покрывание, тем более покрывание платком – есть цивилизационная, а не природная сакральность.

Наперсток – артефакт, используемый при шитье. Шитье – культурологическая, не природная модификация архаического тканья как креации мира женщиной (греческие Парки; Пенелоппа ткущая и распускающая покрывало, чтобы оттянуть свадьбу, табуизация тканья до Благовещения – официальной даты пробуждения земли, космоциации хаоса).

То есть в символике царской дочери представлено несколько вариантов креации причем креации культурологической, «урбанистической», а не архаической, сельской.. То есть царская дочь выступает коррелятом культуры и гегемоном креации (т. к. несколько вариантов креации концентрируются в одном персонаже).

Превалирование в атрибуции культурных компонент указывает на то, что культура выше природы, следовательно, царская дочь по бинарной оппозиции природа/культура выше царя, тем более, что царю атрибуты и артефакты не присущи вообще. Атрибуция есть высшая сакрализация. Любой железный, режущий предмет делает любого человека Громовержцем. Громовержец без меча, копья, стрел, топора – не Громовержец. То есть царская дочь имеет наивысшую степень сакрализации через атрибуты.

Царская дочь – персонаж динамичный, но и пассивный: ее отправляют, ищут, похищают, возвращают домой, но она сама не является источником активности. Активность становится имманентной характеристикой царской дочери только в случае обладания ею какими-либо трансцендентными предикатами. Этот персонаж один из самых эмоциональных.

Функции царевны: искомый персонаж; ее отправляют чудовищу, от которого ее позднее спасает герой; узнавание героя, обличение антигероя, свадьба, помощь герою в решении задач, трансфигурация, наделение чудесными свойствами.

Отправление чудовищу – это вариации на тему архаического мифа о принесении в жертву чудовищу (дракону, змею, крокодилу) девушки или младенца. Это мифы о чудовище, проглатывающем солнце; о Хроносе, поедающем своих детей и т.д. Этот архаический креационистский миф в разнообразных вариантах присутствует в мировоззрении многих народов и без изменения был перенят сказкой.

Узнавание героя и опознавание антигероя – функция гиперболизированной визуальности: приписывается Богу-Солнцу. Бог-Солнце изображается как большое око. Радикальный этап профанизации – Гоголевская повесть «Вий», где функция смотра приписывается отрицательному персонажу, антиподу божественности. То есть функция узнавания, опознавания – это видение смысла бытия, это значит максимально и исключительно сакральная; этой функцией не обладает даже царь. Следовательно, в данной функции царская дочь более сакрализированный персонаж, чем царь, так как эта сакральная функция не присуща остальным персонажам народного фольклора, то есть не происходит демистификации функции, как было с функцией загадывания загадок царем. Помощь герою в решении задач: загадывание загадок изоморфно созданию мира, а знание ответа на загадки означает не только потенциальную возможность креации у царской дочери, но и понимание смысла креации – рационализации мира. В этой функции сакрализация царской дочери максимальная из возможных. То есть происходит сакрализация феминности, а не маскулинности. Трансфигурация, наделение чудесными свойствами еще более мистифицирует образ царской дочери, так как наделение какими-либо чудесными свойствами предусматривает обладание ими в значительной степени.

И, наконец, свадьба: с одной, стороны самый центральный и сакральный обряд, максимальная креация на высочайшем уровне в архаической интерпретации священного брака как союза Солнца и Луны, Неба и Земли; с другой стороны, это кульминация формирования родовых связей – то есть высшая ступень взаимоотношений в архаическом обществе. То есть по всем вышеперечисленным функциям сакрализация царской дочери максимальна. Царская дочь сакрализуется по трем основным категориям: феминности, мудрости, семейственности, причем эти категории коррелируются между собой, это означает, что феминность релевантна мудрости в креации семейных отношений как одного из вариантов креации мира.